

игралъ оркестръ военной музыки, а по всей линіи раздавалось пѣніе соловьевъ, клѣтки съ которыми висѣли надъ дверями магазиновъ. На ярмарку съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи десятки тысячъ народу, а съ приносомъ иконы Коренная пустынь переполнялась имъ, такъ какъ съ иконою приходило иногда болѣе сотни тысячъ человекъ; бывали года, когда число богомольцевъ доходило до 150 тысячъ. Въ праздничные дни ярмарка оглашалась хороводными пѣснями: это дѣвушки и парни въ праздничныхъ нарядахъ изъ окрестныхъ деревень вереницами являлись на ярмарку и были не прочь щегольнуть передъ горожанами танцевальнымъ искусствомъ. Дня черезъ три, послѣ перенесенія въ Коренную иконы, ярмарка оканчивалась, — и вновь мѣстечко погружалось въ сонную тишину — „Время этой ярмарки, — говоритъ нѣкто г. Инсарскій въ статьѣ о ярмаркѣ 40-хъ годовъ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“, — было всегда періодъ самыхъ сильныхъ и разорительныхъ кутежей для курскихъ помѣщиковъ. Каждый изъ нихъ старался достать къ этому времени какъ можно болѣе денегъ и отправлялся на ярмарку съ туго набитыми карманами, для того, чтобы оставить тамъ все и возвратиться домой безъ гроша. Я самъ, снабженный для дѣловыхъ расходовъ значительнымъ запасомъ денегъ, на ярмаркѣ вынужденъ былъ растратить ихъ все, и когда хотѣлъ сдѣлать заемъ у пріятелей, то оказалось, что и онѣ все были въ такомъ же точно положеніи, какъ и я. Цыгане въ особенности составляли разорительную статью. Съ наступленіемъ вечера все сходилось къ нимъ для того, чтобы сыпать деньгами. Кромѣ того, устраивались особые разорительные пиры... — Затѣяли дать обѣдъ по подпискѣ на 100 рублей ассигнаціями съ каждаго; пригласили на этотъ обѣдъ и губернатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшились испросить у него прощеніе цыганскому хору, управляемому извѣстнымъ тогда Ильею. На него губернаторъ разсердился утромъ того именно дня, въ который затѣянъ былъ обѣдъ. Наступило время обѣда; губернаторъ запоздалъ. Помѣщики подвыпили и начали обѣдъ безъ губернатора. Когда обѣдъ былъ въ разгарѣ, вошелъ губернаторъ и, извиняясь, что опоздалъ, занялъ свое мѣсто. Тогда одинъ изъ распорядителей обѣда приподнялся